

РОМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1958

Ученые записки ЛГУ, № 232,
серия филологических наук, вып. 35.

Романское языкознание

Редактор *Г. А. Щербакова*
Техн. редактор *А. В. Семенова*
Корректор *Г. Л. Хаславская*

Сдано в набор 15 VI 1957 г.
Подп. к печ. 4 III 1958 г. М-03576.

Тираж 2240 экз. + 25 отд. отт.

Печ. л. 11,63. Бум. л. 5,81.

Уч.-изд. л. 12,71.

Форм. бум. 60×92¹/₁₆. Заказ 1299.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград,
Университетская наб. 7/9.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени А. А. ЖДАНОВА

№ 232

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Выпуск 35

РОМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1958

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В сборник включены статьи, представляющие результат исследования романских языков: французского, испанского и молдавского.

В статьях рассматриваются вопросы грамматики, словообразования, стилистики и диалектологии этих языков.

Работа А. С. Бобовича посвящена вопросам латинской этимологии. В статье Г. В. Степанова рассматриваются основные этапы изучения романских языков в России и в СССР.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся проблемами романской филологии.

Ответственный редактор
доц. *Г. В. Степанов*

МЕСТОИМЕННАЯ ФОРМА ПАССИВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Реферовская

К числу грамматических значений местоименной формы французского глагола, которые не могут быть непосредственно сведены к исходным значениям и взаимоотношениям составляющих ее компонентов, относится значение ее как формы пассива и непереходности.

Использование местоименной формы в качестве средства оформления непереходности основывается на „родстве“ семантико-синтаксической характеристики местоименной формы, выступающей как форма возвратного залога, и непереходном употреблении глаголов. Родство это опирается на отсутствие постороннего объекта, на ограниченность действия сферой субъекта.

В местоименной форме категория переходности — непереходности получает специальное средство выражения, дающее возможность формального противопоставления переходного и непереходного характера действия, обозначенного в языке и синтаксически — наличием или отсутствием приглагольного дополнения.

Возможность пассивного осмысления местоименной формы обуславливается семантическим схождением залоговых категорий „возвратности“ и „пассива“. Местоименная форма не становится, однако, регулярной формой пассива. Она получает лишь довольно ограниченную возможность использования в этом смысле, являясь не столько соперником аналитических форм пассива, сколько, и то лишь отчасти, их дублером.

Процессы, начавшиеся в классической, и еще раньше, в архаической латыни, продолжают и углубляются в позднелатинский период. Употребление местоименной формы учащается. Увеличивается число глаголов, получающих ее. По мере исчезновения формы на -ог на ее место становится местоименная форма, которая давно функционально с ней совпадала.

По свидетельству Вистранда,¹ в поздней латыни рефлексивная конструкция может стоять при любом „предметном“ существительном. И не так уж неправ Г. Мюллер,² считающий, что сочетание местоименной формы с неодушевленным субъектом не есть черта, характерная для поздней латыни, что это было всегда присуще латинскому языку. Неубедительным лишь представляется его утверждение, что значение местоименной формы при этом всегда было пассивным или „квази-пассивным“.

Вистранд, наиболее подробно рассматривающий вопрос о развитии латинской местоименной формы, считает, что от этимологического ее значения — возвратности — она непосредственно перешла к значению пассива в предложениях с неодушевленным подлежащим, в которые была перенесена из предложений с одушевленным подлежащим в условиях персонификации. Он говорит о „близком к значению пассива рефлексиве в поздних текстах“. Приводит в пример предложение из Палладия: *mela rotunda... toto anno servare se possunt* (3, 25, 18). Однако значение *se servare* в приведенном примере вряд ли может быть с уверенностью истолковано как пассивное. Это скорее непреходное действие. Впрочем, именно осмысление местоименной формы как формы непреходности есть шаг к превращению ее в пассив, ибо оно исключает объект и подчеркивает сосредоточение действия на субъекте. Этот шаг завершится появлением „агенса“. В латинском языке агенса еще нет.

В латинском языке классического периода местоименной форме еще не свойственно пассивное значение.

Но местоименная форма как форма выражения непреходного действия имеет все возможности развиваться в форму пассива.

Именно через значение непреходности латинская форма на -ог превратилась из формы медиума в пассив. Непреходность, т. е. исключение дополнения-объекта, концентрирует действие на подлежащем: последнее выступает как лицо или предмет, не только производящий, но и испытывающий действие.

При неодушевленном подлежащем местоименное сочетание скорее приобретает значение пассива. При одушевленном подлежащем, которое может быть воспринимаемо как сознательно направляющее осуществляемое им действие, последнее полнее сохраняет характер возвратности. Неодушевленное подлежащее исключает при отсутствии персонификации возможность толкования действия как возвратного. Оно может восприниматься как непреходное, хотя при неодушевленном подлежащем этому несколько препятствует его инактивная природа. Последнее об-

¹ E. Wistrand. *Über das Passivum*. Göteborg, 1943, стр. 61.

² H. Müller. *The Passive Voice in Vulgar Latin* (*Romanic Review*, N. 15, 1954, стр. 68 — 93).

стоятельство приводит к тому, что с осуществления действия субъектом акцент перемещается на участие его в процессе в качестве объекта, испытывающего действие. Форма приобретает оттенки пассивного значения.

Но возвратное значение местоименной формы фактически наблюдается лишь для определенного, семантически ограниченного круга глаголов, в основном означающих воздействие на внешность субъекта. Значительное развитие получает вторая характеристика местоименной формы, а именно **непереходность действия** в смысле отсутствия постороннего объекта. Утрачивая первую (залоговую) характеристику „возвратности“, местоименная форма выдвигает на первое место вторую характеристику действия — его **непереходность**. Форма оказывается формой **непереходности**, помогая дифференциации прежде двойственного переходно-непереходного употребления глаголов:

Parmenides ignem (dixit esse), qui *moveat* terram (Cic. Acad. II, 118), *moveat* — действие переходное;

inde (Caesar) *movit* et pervenit ad oppidum Leptin (Bell. afr. 7), *movit* — действие непереходное;

ego *me* de Cumano *movi* ante diem V Kal. Maias (Cic. ep. ad Att. IV, 9, 2);

neque (Varro) *se* in ullam partem *movebat* (Caes. Bell. civ. II, 17), *me movi*, *se movebat* — действие непереходное.

Таким образом, местоименная форма при одушевленном подлежащем либо выражает возвратный, либо непереходный характер действия.

В поздней латыни местоименная „квази-пассивная“ форма возможна при одушевленных и неодушевленных подлежащих, хотя менее двусмысленна при последних. При одушевленных подлежащих всегда есть возможность восприятия формы как **возвратной**:

Quibus auditis, universus populus iter retorquens, in tanta velocitate pergunt, ut potius geroli *semet ipsos portare*, quam portare sentirent (Vita s. Arnulfi, § 25; MGH II, 444).

Возможно толкование: „Услышав это, весь народ устремился обратно с такой быстротой, что носильщикам скорей казалось, будто их несут, чем они несут“, либо „будто они сами себя несут“ — последнее подсказывается еще наличием усилительной частицы *met* и местоимения *ipsos*.

Характер пассивности конструкции подтверждается полностью лишь наличием в предложении дополнения, обозначающего „агенса“¹.

Но даже в старофранцузском языке случаи присутствия агенса при местоименной форме еще довольно редки.

Поэтому и здесь лучше говорить о возможностях и тенденциях к превращению местоименной формы в форму пассива,

¹ Это действительно и для аналитических форм пассива.

дублирующую аналитический пассив. Своеобразной предпосылкой к этому является двусмысленность и незначительная степень употребительности форм аналитического пассива в старом языке.

Но отдельные случаи пассивного осмысления местоименной формы можно наблюдать уже и в старофранцузском. Так, возможно пассивное толкование глагола *se canter* в заголовках стихотворных частей „Окассен и Николетт“: „Or *se cante*“.

Позже подобные случаи учащаются, но пассивное значение местоименной формы в большинстве случаев еще не подтверждается наличием „агенса“, а лишь вытекает из общего смысла предложения, и если в первом из двух следующих предложений глагол скорее просто непереходен, чем пассивен, то во втором пассивность действия очевидна; подтверждается она семантикой глагола и контекстом.

Ceux du coste des Bourguignons estoient sans ordre et sans commandement, comme voulentiers *se commencent* les escarmouches (Comm. Mém. I, III); Toutes entreprises *se doyvent bien peser* et bien debatre, avant que les mettre en effect (Comm., у Пфейфера).

„Пассивная“ местоименная форма, сопровождаемая агенсом, в старофранцузском в отдельных случаях уже встречается, но только в не очень ранних текстах (XIII — XIV вв.):

Si est peril, se Diex m'amant,
Car en amer maint bon amant
Par li se tiennent et tendront,
Qui ja nul jor n'i aviendront.
(Rom. de la Rose, 4686 — 9)

...O Souverain juge, qui estes repaire et secours de toute raison ...et **par lequel** tout le monde *se gouverne* et vit... (Rom. de Troilus, VIII)

...Je te diray briefvement ce qui me murdrist et tue: non point que je aye esperance que **par toy se puisse mettre** ne fin ne paiz a mon desir... (там же, II)

В старом языке еще ни в коем случае нельзя говорить о сколько-нибудь регулярном использовании местоименной формы как формы пассива. Отдельные случаи¹ лишь свидетельствуют о наличествующей в языке тенденции, которая развивается позже, в XVI — XVII вв.

¹ Ф. Пфейфер приводит аналогичные примеры только из Фруассара (F. Pfeiffer. Umschreibung des Verbums im Französischen durch „aller“, „venir“ + Gerundium, être + Participium Praes. und durch die reflexive Konstruktion, Göttingen, 1909): **Par deus roes** ceste oeuvre **se parfait** (Li Orloge amoureuse, 604); **Par vous se font** maint bon moyen Au dieu d'Amours, vostre chier maistre (Paradys d'amours, 362).

Такое направление развития французской местоименной формы не является единичным в романских языках. Оно особенно свойственно итальянскому,¹ а также испанскому языкам.²

Отношению действия к подлежащему свойственны различные оттенки в значительной степени в зависимости от того, является ли подлежащее одушевленным лицом, или неодушевленным понятием, или предметом: *Li quens s'abaise, contre terre s'estent* (Aliscans, 1173). Здесь *s'estent* непреходящий глагол „ложиться“, „растягиваться“. В следующем случае: *Par trestout le roiaume la nouvele s'estent* (Ad. le Roi, Berte, 3285) неодушевленный характер подлежащего создает условия для восприятия формы глагола как пассивной, что вызывается ображениями о том, что „новость“ распространяется не сама по себе, а разносится „кем-то“, т. е. каким-то само собой разумеющимся агенсом.

Значительное распространение местоименной формы для обозначения пассивного действия в среднефранцузский период обычно объясняется влиянием итальянского языка. Ему, действительно, больше, чем французскому, и раньше, чем французскому, было свойственно осмысление местоименной формы как формы пассива.³

Точки зрения, объясняющей итальянским влиянием возможность употребления французской местоименной формы в значении пассива, придерживается ряд исследователей. Среди них Дарместетер и Хацфельд⁴, А. Хазе,⁵ Ф. Глаунинг.⁶ Эгого же взгляда сперва придерживался Ф. Брюно⁷, позднее отказавшийся от него.⁸

Разумеется, итальянские влияния могли иметь большое значение для развития французского языка XVI в. не только в отношении лексики — известна широкая волна итальянских заимствований этой эпохи, — но и в отношении других сторон языка, в частности грамматической его структуры.

¹ См. G. Rohlfs. *Historische Grammatik der Italienischen Sprache und ihrer Mundarten*. Bern, 1949, t. II, § 481.

² Возможность употребления местоименной формы в значении пассива в испанском языке упоминается почти во всех испанских грамматиках. Специально этому вопросу посвящена статья Ch. B. Brown „The Passive reflexive as applied to persons in the Primera Cronica general“ в *Publications of the Modern lang. assoc. of America*, 1930, v. XLV, № 2. Работа эта интересна, хотя содержит некоторые спорные положения и не все приведенные в ней языковые примеры одинаково убедительно истолкованы.

³ См. Rohlfs, цит. соч., т. II, стр. 527.

⁴ A. Darmesteter et A. Hatzfeld. *Le seizième siècle en France*. Paris, 1887.

⁵ A. Haase. *Franz. Syntax des XVII Jahrh.* Opp., Lpz., 1888.

⁶ F. Glauning. *Versuch über die syntaktischen Archaismen bei Montaigne*. *Herrigs Arch.* XLIX Bd. H. 3, 1872.

⁷ F. Brunot. *Précis de gramm. hist. de la langue fr.*, 1899.

⁸ F. Brunot. *Hist. de la langue française*, t. II, 1906.

Но если в данном случае итальянский языковой узус и имел известное значение, то скорее всего он ограничивался ролью „катализатора“ процесса, быть может, несколько усилив акцент именно на таком, свойственном и итальянскому языку направлении в развитии местоименной формы. Все предпосылки и условия для переосмысления ее в пассив имелись в самом французском языке и, быть может, нуждались лишь в некоем толчке, чтобы широко выйти на поверхность. Возможно, что контакт с итальянским и сыграл роль такого толчка.¹

Хотя в старофранцузском языке употребление местоименной формы в значении пассива далеко не имело того распространения, какое оно получило в XVI—XVII вв., но оно уже зародилось. Правда, форма оставалась недостаточно определенной и яркой в отношении своего грамматического значения. Значение пассива часто сочеталось или соперничало со значением возвратности или непереходности, особенно при одушевленном подлежащем.

В среднефранцузский период употребление местоименных глаголов со значением пассива возможно и при одушевленных, как и при неодушевленных подлежащих, в безличном обороте и при абстрактных понятиях.

Следует, однако, отметить три особенности. Во-первых, далеко не все писатели этого периода одинаково охотно используют местоименную форму для обозначения пассивных действий. Во-вторых, при одушевленных подлежащих она остается сравнительно редкой. В-третьих, лишь при наличии в предложении предложного дополнения, которым обозначен агенс, глагол в местоименной форме получает недвусмысленно пассивное значение, т. е. для выявления этого грамматического значения формы требуются особые синтаксические условия. В отсутствие дополнения — агенса глагольная форма может иметь различные грамматические значения, начиная от возвратности или непереходности действия, что, впрочем, может приводить и к пассивному ее осмыслению.

Картина развития и закрепления за местоименной формой значения пассива чрезвычайно напоминает постепенный процесс переосмысления латинской формы -ог из медиума и формы непереходности — в пассив. Как здесь существенную роль играет наличие или отсутствие агенса в предложении, так и там форма-ог оказывалась безусловно и недвусмысленно выражающей пассивное действие преимущественно в присутствии агенса, выраженного аблативом (с ab), иногда дативом или даже аккумулятивом (с per).

¹ Многие современные нам грамматисты, констатируя факт употребления франц. местоименной формы как формы пассива в различные эпохи, не останавливаются на его объяснении. Напр.: G. Gougenheim. *Grammaire de la langue fr. du XVI s. P.*, 1951; F. Strohmeyer. *Französische Grammatik*. Leipzig, 1949.

Но, так же как дополнением в аблативе не обязательно обозначался агенс, а оно могло выполнять функцию разнообразных „обстоятельств“, и во французском языке предложное дополнение с предлогом *par* и *de* может использоваться как средство оформления обстоятельства причины, образа действия, выражать орудие или посредника.

Значение пассива, хотя в общем и свойственно французской местоименной форме и особенно широко распространяется в период „среднефранцузский“, но, будучи не единственным значением формы, сталкивается с другими присущими ей грамматическими значениями, лишь постепенно „выкристаллизовывается“ из них, и иногда форма выступает как „двусмысленная“.

Что итальянское влияние сыграло некоторую роль в распространении пассивной функции местоименной формы в среднефранцузский период, видно косвенным образом из того, что после XVII в. этот узус, как и многие другие наносные явления, ушел из языка.

Во французском литературном языке нового периода местоименная форма сохраняет способность передавать пассивное значение лишь в определенных, узко ограниченных условиях, например, оно несовместимо с одушевленным существительным; кроме того, в отличие от аналитических форм пассива „пассивная“ местоименная форма никогда не сопровождается агенсом.

Употребление местоименной формы в функции пассива в языке XVI в. и отчасти XVII в. представляет собой безусловно живое явление и в силу этого заслуживает особого внимания.

Вопрос этот так или иначе затрагивается в общей и специальной литературе, хотя никто из исследователей не делал его предметом отдельного рассмотрения.¹

Пассивное осмысление местоименной формы у авторов XVI в. тесно связано со свойственной ей функцией передачи возвратного и непереходного действия.

В случае отсутствия каких бы то ни было внешнеязыковых способов различения грамматического значения формы решающую роль играет общий смысл предложения, который в большинстве случаев, однако, допускает различные толкования.

Отсюда глагол в местоименной форме может толковаться то как подчеркивающий непереходный характер действия, то как выражающий пассивное действие:

Ce sacrifice se fait le deuxième jour de septembre (Amyot, Thes. XXIV).

Жертвоприношение „совершается“ во второй день сентября. Разумеется, жертвоприношение не „само себя“ совершает, так

¹ Наибольшее внимание этому частному моменту в развитии французской местоименной формы уделено Ф. Брюно во втором томе Истории французского языка (цит. выше) и в работе Ф. Пфейфера (F. Pfeiffer. *Umschreibung des Verbums im Französischen*. Diss. Göttingen, 1909).

... et ne veux que ma gloire
Par la mort d'un Pasteur *se lise* en une histoire.
(Rons. Adonis, IV, 31)

Il y eut jadis un roy de France duquel le nom ne *se scait* point au vray quant a cest affaire dont nous voulons parler (Des Periers, Nov. Récr. VI).¹

Некоторые авторы¹ упоминают, что употребление местоименной формы в значении пассива особенно свойственно Монтеню. Это очень верное наблюдение. Хотя ею широко пользуются и другие авторы эпохи, в частности, представители Плеяды: Les vers feurent translatez par s. Augustin les quelz *se chantent* encor en quelques lieux (Du Bellay Deff. II, VIII, 279), но у Монтеня она употребляется особенно часто. Возможно, что у него это — влияние его интереса к Италии, итальянской культуре и итальянскому языку; известную роль могло сыграть и его провансальское происхождение.

... et *se cognoist* en la grandeur la grande ame, — comme la beauté en un grand corps et hault... (Mont. Ess. II, XVII, 41).

Après il advertit Marcellinus qu'il ne seroit pas messeant comme le dessert des tables *se donne* aux assistants, nos repas faicts, aussi la vie finie... (Mont. Ess. II, XIII, 7).

Часто при местоименной форме стоит предложное дополнение, вводимое предлогами *par* или *de*.

В значительном числе случаев это еще не агенс, не лицо, производящее действие, а только „обстоятельство“. Но даже наличие таких „обстоятельств“ приближает значение глагольной формы к пассиву:

... ny conservateur des loix, ny roy des sacrifices, ny maitre des guerres, qui estoient offices, lesquelz de toute ancienté *se creoyent par le sort*... (Amyot, Pericles, XVII), „*par le scrt*“ — обстоятельство образа действия.

Et certes je ne pense que telles choses *se facent par la nature* desdites langues... (Du Bellay, Deff. I, IX, 113), „*par la nature* desdites langues“ — обстоятельство причины. В тех случаях, когда предложное дополнение с предлогом *par* или *de* обозначает действующее лицо, пассивный характер глагольной формы бесспорен:

L'élection *s'en faisait par le peuple* (Bossuet, Hist. univ. III). „Allons promener“ и „Il est allé promener“ не *se disent* point par ceux qui parlent bien (Ménage, Obs. I, 283).

Un livre trapelu qui *se vend par les bisouars* et porteballes (Rabelais, Garg. 9).

... les chastiments qui se font avecques poids et discretion *se receoivent* bien mieulx et avecques plus de fruit de *celuy* qui les souffre... (Mont. Ess. II, XXXI, 122).

... Guillaume de Lauris et Jan de Meun sont dignes d'estre

¹ Напр.: F. Glauning, цит. соч., стр. 2).

leuz non tant pour ce qu'il y ait en eux beaucoup de choses qui *se doyvent imiter des modernes*... (Du Bellay Deff. II, II, 174).

Как видно из предыдущего, в подавляющем большинстве случаев подлежащим при глаголе в местоименной форме со значением пассива выступает неодушевленный предмет, либо отвлеченное понятие.

Местоименная форма при одушевленном подлежащем прежде всего представляется передающей возвратное действие. Для подлежащего — неодушевленного предмета это возможно лишь в условиях персонификации, ибо предполагает сознательное направление действия обратно к действующему лицу.

Но коль скоро местоименная форма передает не только возвратные, но и просто непереходные действия, она оказывается возможной при подлежащем — неодушевленном предмете. Далее, непереходность действия граничит с пассивом через глаголы „состояния“. В последних подлежащее является не столько действующим, сколько испытывающим; оно испытывает некое состояние, которое может мыслиться как результат кем-то произведенного действия. Наличие же действующего лица в виде дополнения приводит к пассиву.

При подлежащем-лице значение местоименной формы сперва смещается от значения возвратности к непереходности и уже затем распространяется на конструкции с подлежащим — неодушевленным предметом.

В местоименной форме при неодушевленном подлежащем происходит сдвиг от значения непереходности к пассиву. И затем лишь постепенно и довольно ограниченно местоименная форма с пассивным значением распространяется и на предложения с подлежащим — одушевленным лицом.

... *quelqu'un trouverra estrange que je requiere une si exacte perfection en celuy qui voudra faire un long poeine, veu aussi qu'a peine se trouverroint*, encores qu'ilz feussent instructz de toutes ces choses... (Du Bellay Deff. II, V, 238).

car je pense qu'au monde ne *s'est* jamais *veu* princesse plus belle (Brantôme, у Пфейфера, 61).

... ce prince ne *se gouvernait* que par ses philosophes et ses devins... (Bossuet, у Пфейфера, 61).

... non seulement les femmes *s'enterrent* aprez leurs maris, mais aussi les esclaves... (Mont, Ess. II, XXIX, 113).

Plusieurs gladiateurs *se sont veus*, au temps passé... avaller courageusement la mort, offrans leur gosier au fer de l'ennemy... (Mont. Ess. III, XII, 159).

Метонимически употребленное лицо или название божества, представляемое как живое существо, могут сопровождаться местоименной формой с пассивным значением:

... regarde nostre immitateur premierement ceux qu'il voudra immiter, et ce qu'en eux il pourra, et qui *se doit imiter*, pour ne faire comme ceux qui... (Du Bellay Deff. II, III, 129).

Предметом подражания являются не поэты, понимаемые под местоимением *seux*, а их произведения.

Helas qu'eussé-je fait! si ceste Parque fiere
Qui ne *se* peut *flechir* par humaine priere,
M'eust voulu pour victime...

(Rons. Disc, I, IV, 18)

Dieu *se* peut en tastonnant *sentir* des aveugles
(Calvin, у Пфейфера, 61)

Интересна одна подробность, касающаяся значения местоименной формы в ее пассивном употреблении. А именно, очень часто к ее залоговому значению прибавляется модальный оттенок „возможности“, не имеющий специальных способов выражения и возникающий, главным образом, в глаголах *se voir*, *se lire*, *se trouver*:

En la Cour ou, Forget, rien ne *se voit* de bon
Que ta seule Maistresse en bonté souveraine...

(Rons. Sonn. II, 16)

... mais pour le monde, ce sont choses si ordinaires, il s'en *veoid* tant tous les jours... (Mont. Ess. II, XVI, 27).

... les sepultures des princes *se voyent* a l'entour de la ville d'Eleusine... (Amyot, Thes. XXXVII).

... auquel livre *se lit* encores a présent ceste belle sentence que lon dit estre de Pitheus... (Amyot, Thes. III).

... les sepultures de celles qui moururent en ceste premiere rencontre, *se treuvent* encores en la grande rue... (Amyot, Thes. XXXIV).

Модальный оттенок „возможности“ не ограничивается этими определенными глаголами. Он может возникать и при других: ... les victoires qui *se gagnent* sans le maistre, ne sont pas complètes... (Mont. Ess. II, XXI, 81).

Не будучи строго ограничен лексически, этот модальный оттенок имеет известные грамматические пределы. Он возникает лишь при инфектных временных формах, как правило, при настоящем и будущем:

Et toutesfoys aisément (et peult estre point) ne *se trouvera* livre qui tant de diversitez de choses racompte (C. Marot, II, 136).

Аналогичный модальный оттенок свойствен местоименной форме с пассивным значением и в современном языке:

Mais le même fait *s'observe* aussi pour des conjonctions venant de substantifs (M. Bréal, Ess. de Sém. 205).¹

В подавляющем большинстве случаев, однако, модальный оттенок „возможности“ передается просто сочетанием с глаголом *pouvoir*.

¹ У Сандфельда на стр. 130 приводится ряд аналогичных примеров (K. Sandfeld. Syntaxe du français contemporain. Paris, 1928).

Не будет ошибкой сказать, что местоименная форма с пассивным значением в языке XVI в. чаще всего встречается именно в таких конструкциях.

Ainsi passa la nuit en tels pleurs, regretz et douleurs, qui ne *se peuvent raconter* (M. de Nav. Hept. IV, 3).

Cete mesme antiquité *se peut voir* en tous les argumens de Plaute, dont chascun en ses lettres capitales porte le nom de la comedie (Du Bellay, Deff. II, VIII, 280).

Je demandois ce baiser, qui sans blâme,

Se peut donner de toute honneste Dame.

(Du Bellay, Les Amours, XV, II, 127)

De la condamner, parce qu'ils ont failly, ce seroit bestise, comme dict Platon, car ce qui est faict ne *se peut desfaire*... (Mont. Ess. IV, III, VIII).

Несколько реже, хотя это тоже довольно сильно распространено, местоименный глагол в пассивном значении сопровождается глаголом *devoir*. Конструкция получает, естественно, значение долженствования. Этот модальный оттенок без глагола *devoir* в местоименном глаголе не возникает.

Et ce que je dy des langues latine et grecque, *se doit* reciproquement *dire* de tous les vulgaires... (Du Bellay, Deff. I, V, 89).

... luy mesme en personne s'estoit embusché pres de la ville pour l'attendre: mais cela *se doit* a l'adventure *attribuer* a la grace des dieux, qui le voulurent preserver (Amyot, F. Max. XXXIX).

Довольно часто в XVI в. „пассивная“ местоименная форма употребляется в безличном обороте:

Il se pourroit dire, ce me semble, plustost, que aulcune chose ne se presente a nous, ou il n'y ait quelque difference... (Mont. Ess. II, CXIV, 8).

Mais *il se devoit faire* a l'avenir qu'on peust parler de toute chose, par tout le monde, et en toute langue (Du Bellay, Deff. I, X, 136).¹

Et ne *se peut dire* autrement (C. Marot, III, 20).

... un homme estoit devenu riche et ne *se parloit* que de luy tout autour du pays (Des Periers, у Пфейфера, 64).

Пассивность и безличность — два соприкасающиеся понятия. В языке безличные и пассивные конструкции семантически смыкаются. Латинская пассивная форма на-*or* имеет одним из своих источников древние безличные формы. Общее между ними заключается в том, что в одних действующее лицо отсутствует,

¹ Ряд аналогичных примеров приведен в цитированной работе Пфейфера на стр. 63—64.

в других — находится на втором плане и может не быть выражено. В центре внимания в обоих случаях — само действие.

Интересно, что „формирующееся“ значение пассива местоименной формы требует наличия агенса и без него остается неполным. „Сформировавшись“, оно приходит к безличным предложениям и все реже сопровождается агенсом, пока, наконец, не утратит его окончательно. В этом одно из отличий местоименной формы в функции пассива от аналитических форм этого залога, как правило, подтверждающих свое значение наличием агенса и в современном языке.

Местоименная форма в пассивном значении еще весьма употребительна в XVII в. Однако использование ее как формы пассива не вошло в норму и постепенно шло на убыль. А. Хазе¹ приводит примеры местоименной формы, передающей пассивные действия, из Бальзака, Паскаля, Вожа, Мольера и других авторов.

В XVII в. можно обнаружить все те же случаи употребления местоименной формы в качестве пассива, которые имели место в XVI в.

1) С модальными глаголами:

Vous prechez des maximes de vivre
Qui par d'honnêtes gens ne *se doivent suivre*.

(Molière, у Хазе, 111)

2) С дополнениями, оформленными предлогами par и de:

Si mon crime par là *se peut* enfin laver,
J'ose tout entreprendre, et puis tout achever...

(Corn. Cid, acte V, sc. VII)

Pour *s'instruire d'exemple*, en dépit de l'envie,
Il lira seulement L'histoire de ma vie.

(Corn. Cid, acte I, sc. IV)

3) Без всяких внешних признаков, подчеркивающих пассивное значение формы, которое вытекает лишь из общего смысла предложения и преобладает при неодушевленном подлежащем:

Madelon: Voilà comme les choses *se traitent* dans les belles manières... (Molière, Préc. rid. sc. V).

Mascarille: ... je veux établir chez vous une académie de beaux esprits, et je vous promets qu'il ne *se fera* pas un bout de vers dans Paris, que vous ne sachiez par coeur avant tous les autres (Molière, Préc. rid. sc. X).

Но количественно употребление „пассивной“ местоименной формы заметно уменьшается. Кроме того, почти исчезает дополнение — агенс, вводимый предлогом.

¹ А. Хаазе, цит. соч., стр. 111.